

порядок. Среди таких конструктивных сил и факторов Сорокин рассматривал: сотрудничество представителей различных конфессий; появление пацифистских и ненасильственных движений; гуманитарную помощь, благотворительность, меценатство и др.¹

Постепенно тема толерантности стала ведущей в русской философии прав человека начала XX в. и философии прав человека русского зарубежья первой половины XX в. Сегодня в России вновь возрождается и тема толерантности, и философия прав человека, что свидетельствует о формировании новой парадигмы мышления, жизнедеятельности общества, правовой политики государства,— парадигмы, предполагающей толерантное отношение друг к другу личности, общества, государства на основе признания права каждого на индивидуальность и на достойное существование.

М. Р. Бабина
Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ПРИМЕНЕНИЮ В ЯЗЫКЕ ПРАВА ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

По поводу толерантности к использованию в языке права художественно-стилистических приемов существуют две точки зрения.

И юристы, и лингвисты, придерживающиеся первой точки зрения (мы назовем ее ригористической) солидарны в следующем: они настаивают на признании наличия специального законодательного стиля. Более того, стиль законодательных актов можно выделить в особый, самостоятельный стиль литературного языка. Законодательный стиль обычно приводят в пример как основу стиля официально-делового, или официально-документального².

---

¹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 62.

² Кожин А. Н., Брылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. С. 105.

Сторонники противоположной точки зрения придерживаются мнения, что язык законодательства должен быть красивым, наполненным экспрессией, эмоционально ярким.

Можно ли терпимо относиться к (со)существованию обеих точек зрения? Или необходимо строго придерживаться одной из этих позиций? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы в качестве объясняющей модели обратимся к следующим примерам: для иллюстрации первой точки зрения будем использовать язык законодательных актов, для иллюстрации второй точки зрения — язык художественного произведения. Язык законодательных актов и язык художественных произведений — явления, имеющие сходства и различия. Общее в них то, что оба они по форме выражения являются текстами. Буквальное понятие слова «текст» (от латинского *textum* — связь) может трактоваться двояко: как связь смыслов внутри текста и как способ коммуникации между людьми¹. Когда мы говорим, что данный нормативный «объект» или «объект» художественный является текстом, мы подразумеваем его принадлежность к особому миру, миру социальной коммуникации². Перечислять все признаки языка закона не входит в мою задачу. Я обозначу только признаки, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме, к сопоставлению языка нормативно-правового акта и языка художественного произведения. Наравне с ясностью и простотой язык законодательства должен обладать следующими свойствами: максимальной точностью выражения, а именно достижением наибольшего соответствия между идеей, мыслью законодателя и воплощением этой мысли в законодательной формуле. В нормативном акте недопустимы разночтения, двусмысленность и криво толки. Что касается текста художественного произведения, то при каждом повторном чтении его по-иному получаешь новые впечатления и ассоциации. Текст закона не может дать такого простора для восприятия. Четко видна дифференциация параметров ориентированности: художественное

---

¹ Малинова И. П. Юридическая герменевтика и правопонимание: Материалы к спецкурсу. Екатеринбург, 1999. С. 14.

² Антипов Г. А. и др. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. С. 16.

произведение ориентировано, в первую очередь, на эмоционально-эстетическое, субъективное восприятие, а нормативно-правовой акт должен быть направлен на обязательное исполнение.

Язык художественной литературы воздействует на воображение воспринимающего, на его чувства; закону же свойственно обращение к логике и разуму. Поэтому языку законодательства (как и всему социально-деловому языку) присущи строгая последовательность изложения, логическая связность и завершенность. Следовательно, в тексте закона недопустимы разрывы мыслей, перескакивания, внутренние противоречия, алогизмы, двусмысленность, свойственные стилю многих произведений художественной литературы.

Текст закона не может быть незавершенным, оставляющим возможность его произвольного «дополнения» или «расширения». В нем должны найти место все без исключения атрибуты законченных фраз, положений, правил¹. В художественном произведении автор в заключение может поставить многоточие (это распространенный прием) или так сформулировать заключительную мысль, чтобы читатель остался под впечатлением написанного, «додумывая» и «домысливая» его. Необходимо указать и на отличие средств воздействия положений законодательства от аналогичных средств, используемых в художественном произведении. Лаконичность, сдержанность, умеренность тона, отказ от приемов риторического усиления или ослабления экспрессий — все это создает впечатление спокойной и уверенной силы властвующего субъекта. Язык законодательства экспрессивно нейтрален. Художественные средства изображения в принципе чужды языку нормативных актов. Слова в их переносном значении, паронимы и т. п. не употребляются в законодательном тексте. При создании нормативно-правового акта избегаются метафоры, гиперболы, литоты. Язык законодательных актов интонационно беспристрастен: он способен в одинаковой манере говорить о разномасштабных явлениях, которых касается закон.

---

¹ Кириллов Д. А. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. М.: Норма, 2000. С. 61.

В нормативно-правовом акте должен быть спокойный, ровный тон изложения (а не тон, зависящий от трактуемого предмета, окрашенный переживаниями автора, с романтической приподнятостью или взволнованностью). Нейтральность экспрессии детерминирована и тем, что законодатель активно использует термины, т. е. слова точного и, как правило, однозначного смысла (термины эмоционально безличные, строгие, «холодные»). Данное положение распространяется и на лексику законодательства. Обычно не употребляются стилистически окрашенные, художественно и эмоционально выделенные слова (сравните: «действия, ставшие причиной смерти» и «действия, повлекшие за собой кончину»); лексические формы с оценочными суффиксами (сравните: «тяжкое телесное повреждение» и «тяжелейший грех»); идиоматические обороты, словесные трафареты (сравните: «проходить по делу» и «проходить красной нитью»); не употребляются диалоги, многоточия, вопросительные и восклицательные предложения. Напротив, все перечисленные выше признаки, отсутствующие в законодательном тексте, имеют место в тексте художественного произведения. Также считаю необходимым упомянуть о такой текстуальной составляющей, как заголовок. Заголовок (заглавие) — не только технико-юридический прием, а одно из средств выражения содержания нормативного акта. «Заголовок должен строго соответствовать содержанию нормативного акта, содержанию документа, быть логическим, полноценным: недвусмысленным и непротиворечивым, по возможности кратким. В художественном произведении заголовок может лишь отчасти соответствовать содержанию, наталкивая мысль читателя на ассоциативный ряд; может включать в себя фразеологизмы, штампы»¹. В сфере законодательства совершенно недопустимо, чтобы тема заголовка не совпадала с темой самого закона (законопроекта).

Особенность юридического регулирования — в многократности действия юридических правил во времени. Этот эффект создается при помощи соответствующих речевых стандартов, один из которых — обезличенный характер

---

¹ Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1988. С. 229.

предложения, достигаемый, к примеру, с помощью инфинитивной формы глагола («запрашивать», «признавать», «установить», «предоставить»), глаголов третьего лица единственного числа настоящего времени («несет ответственность», «исполняет обязательства»), глаголов будущего времени («будут выполнять», «должны понести ответственность»), а также путем отказа от личных местоимений. В этом отношении язык законодательства коренным образом отличается от языка художественного текста, где считается возможным выразить авторское отношение, обратиться прямо или косвенно к читателю. В стиле законодательного языка меньше вариаций языковых средств, отсутствует особая манера письма того или иного автора (мы всегда отличим «почерк» Л. Н. Толстого от «почерка» другого писателя). Читателю важно знать, кто именно написал это художественное произведение, важно суметь «вычитать» авторскую позицию, авторское субъективное отношение. Закон же как бы не имеет авторства (точнее сказать, автор закона обобщенно безличен); и даже при обозначении конкретного лица под текстом нормативно-правового акта это лицо не является автором закона и не воспринимается таковым (не встречалось закона И. И. Иванова), а всего лишь персонифицирует в себе законодателя.

Стремление выразить мысль во всем многообразии ее правовых оттенков, отразить систему понятий и связи между ними приводит к тому, что в синтаксисе законодательных актов употребляются сложноподчиненные и сложносочиненные предложения с причастными и деепричастными оборотами. Сложность фраз (и грамматическая, и синтаксическая) детерминирована стремлением выразить в одном предложении всю мысль. Но в тексте нормативно-правового акта не допускается перегрузка простых предложений однородными членами, выстраивающимся в длинную цепочку и затрудняющими восприятие мысли законодателя. «Синтаксические конструкции необходимо упрощать, заменяя длинные сложные предложения двумя-тремя простыми. Сжатость и лаконичность нормативного акта, перегруженного сложными предложениями, может быть достигнута заменой придаточных предложений синонимичными им причастными и деепричастными оборота-

ми»¹. Но если разбить одно предложение на ряд простых, не так наглядна будет логическая связь правовых понятий, их взаимообусловленность. Правовые предписания в тексте закона носят императивный характер. Поэтому в нормативных актах практически не употребляется сослагательное наклонение глаголов. Валящий субъект (законодатель) предписывает, что закон должен быть исполнен, а не предполагает его исполнение.

Таким образом, рассматривая проблему толерантности к использованию в языке права художественно-стилистических приемов, мы приходим к следующим выводам. Красота внешнего выражения мысли законодателя, ее яркость и изящество — в логической стройности, глубине и последовательности изложения, в употреблении подходящих терминов, в максимальной точности, непротиворечивости, а не в свойственных художественному тексту экспрессивных и образных средствах языка. Строгость, высокая точность, стилистическая нейтральность, логичность и последовательность изложения — залог того, что законодательные акты становятся (в идеале) образцовыми произведениями социально-деловой письменности. Но надо обратить внимание на то, что до сих пор объектом нашего рассмотрения были писанные законы, которые созданы и записаны на бумаге, т. е. фиксированные, определенные.

Все сказанное выше, несомненно, правильно в отношении законодательства. Но если мы на этом поставим точку и не рассмотрим такую сторону языка права, как речи юристов, то нашу цель, обозначенную в начале работы, будет нельзя считать достигнутой.

А. Ф. Кони утверждал, что устное слово всегда плодотворнее письменного. И был прав: слушатель, в отличие от читателя, становится соучастником формирования живой речи, ориентированной на его ответную реакцию. В расчете на духовные возможности собеседника строится умозаключение ратора, искусно оснащенное метафорами,

---

¹ Глуховская И. И. Проблема унификации текстов нормативно-правовых актов и пути их разрешения. Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественные и технические вопросы архивного дела. М., 1981. С. 179.

сравнениями, синонимами. Под воздействием ораторских приемов лектора слушателю исподволь сообщается привычка и страсть к собственной словесной изобразительности. С читателем все обстоит по-другому: он имеет дело, скажем метафорично, уже с «остывшей пищей» — текстом. (Приведем в пример еще одну иллюстрацию к сказанному: «Оратор и аудитория как бы видят на предполагаемом экране один и тот же предмет, но оратор думает, что видит его яснее. И он вооружает аудиторию «очками» (фигурами, тропами), чтобы она лучше разглядела отдельные детали. Напротив, писатель и читатель с самого начала стоят перед пустым и широким экраном: на нем должно отразиться множество условных «реальностей»¹.)

И письменная, и устная речь базируются на одних и тех же филологических нормативах и условностях. Но письменное слово любого автора больше стесняется официальными правилами, нежели устное. Превосходство в вольности устной речи не исключает ее зависимости от норм, составляющих собственность письменной речи. Но, так или иначе, искусство публичной речи основывается на том, что формы ее более либеральны, нежели у письменной. Отсюда — ее блеск и притягательность, особая эмоциональная заразительность (но эти достоинства зависят уже от способностей ратора).

Юрист — это знаток законодательных тонкостей, носитель сложной информации, правоверный служитель государства. Он — оратор, общественный организатор, «дирижер», способный обуздать даже толпу. Он тот, кто может объяснить, увлечь, связать возмущение обывателей неоспоримыми аргументами, убедить в пристойности (и правомерности) любых решений носителей власти, обратиться в «свою веру». Эти способности обеспечивают юристу его талант красноречия, владение выразительными средствами языка и тайнами публичной речи. Это неотъемлемое свойство его профессионального развития. Наполеон справедливо говорил о том, что тот, «кто не умеет говорить, карьеры не сделает». Юристу на роду написано обслуживать все сферы

---

¹ Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика. Ростов н/Д., 1994. С. 15.

жизнедеятельности, разбираться в закономерностях экономики и культуры, быта и медицины и, самое главное, говорить о них и просто, и захватывающе, не давая повода усомниться в весомом багаже знаний, выраженном в лексическом многообразии речи. Юрист в буквальном смысле слова кормится языком. Богатство речи, следовательно, для него является незаменимой профессиональной составляющей.

Умелое использование в праве художественно-стилистических приемов делает речь юриста (в данном случае, адвоката) более яркой, способной передать малейшие нюансы настроений. И если судья, привыкший основываться на букве закона, на ригористическом, свободном от эмоций применении нормативных актов, несомненно, поймет все хитрости, уловки и т. п., применяемые адвокатом, то на присяжных заседателей, юристами не являющихся, богатая, яркая, захватывающая речь защитника произведет ожидаемое действие. Мы, несомненно, помним выразительные и, можно так сказать, зрелищные речи великих русских адвокатов. Поэтому красноречие юриста (адвоката) не является «прихотью». Это доказывается «естественной склонностью человека облагораживать, совершенствовать и украшать все свои произведения; потребностью ясных и живых созерцаний, которым преимущественно и способствуют все риторические украшения, оригинальные сравнения, хитрые намеки; необходимостью вразумлять человека в сомнительных и запутанных положениях жизни, властью победительного слова над движением страстей, которые содержат нашу душу в неослабной деятельности и влекут к новым идеям, к смелым предприятиям»¹.

Юридический язык является небольшой, но заметной частью разговорной речи народа и культуры общества в целом. Ему свойственны все закономерности строения и развития живого русского слова. Итак, рассуждая о толерантности к использованию в праве художественных приемов, мы видим, что в устной речи юристов применение указанных

---

¹ Галич А. И. Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук // Русская риторика. С. 167.

приемов, во-первых, имеет место, и, во-вторых, оправданно и целесообразно. Необходимо определять, в письменной или в устной речи использованы художественные приемы. Следовательно, обе точки зрения, указанные в начале работы, равноценны и имеют право на существование (и сосуществование).